

О ДИАЛЕКТНОМ СОСТАВЕ КУРДСКОГО ЯЗЫКА

З. А. ЮСУПОВА (Ленинград)

Полидиалектное существование курдского языка, прошедшего сложный путь развития в пределах различных государственных границ, явление уникальное, требующее всестороннего и глубокого исследования. Поэтому одной из основных задач современного курдского языкознания остается дальнейшее изучение курдских диалектов, систематизированные данные которых необходимы как для определения диалектного состава курдского языка, так и для выявления закономерностей его развития в целом.

В настоящее время, в связи с резким обострением курдской проблемы на Ближнем Востоке, вопросы диалектного состава курдского языка, связываемые некоторыми авторами с вопросами этногенеза курдов, их этнической общности и территориального размещения, приобретают особое социальное звучание. В связи с этим выяснение корреляций между курдским языком (в его литературных формах) и рядом диалектов, которые могут претендовать на статус курдского, представляет собой специальную чрезвычайно значимую задачу, решение которой зависит в первую очередь от изучения фактического материала и научного обоснования специфики указанных корреляций.

На сегодняшний день, как известно, исследователями признается существование нескольких диалектных групп курдского языка. Однако в отношении группировки диалектов и используемой при этом терминологии мнения ученых расходятся¹. Основные расхождения касаются состава и классификации южнокурдских диалектов, охватывающих обширные языковые массивы Иранского и Иракского Курдистана. Противоречивые мнения высказываются относительно диалектной принадлежности таких разновидностей курдского языка как горани и заза.

Согласно классификации известного курдского филолога Т. Вахби в курдском языке выделяются четыре диалектные группы: 1. Курманджи: а) северный курманджи (бадинани, хеккари, ашитаи, ботани, баиазиди); б) южный курманджи (сеннаи, сулеймани, сорани, мукри). 2. Лури: бахтиари, лаки, файли, келжори, мабасани. 3. Горани: аврами, зангана, какаи, баджалани. 4. Зазаи.²

М. Хал—автор трехтомного диалектологического словаря курдского языка предлагает следующую классификацию: 1. Зазаи. 2. Северный курманджи: ботани, бадинани, хеккари, баиазиди, шамдинани. 3. Центральный курманджи: сорани, бабани, мукриани, ардалани, кельхори, горани. 4. Лури: бахтиари, лаки, файли³.

¹ Разнобой в терминах объясняется главным образом тем, что в одних случаях диалекты и их разновидности обозначаются по географическому признаку, в других—по этническому (названию племени).

² Bekir Dilêr. Eşkevekey gunduk. Bexda, 1951.

³ Ferheng-i Xal. Silêmanî. Cizm-î yekê m, 1959.

Другие авторы исходят из наличия в курдском трех диалектных групп: 1. Северный курманджи; 2. Центральный курманджи (сорани); 3. Южный курманджи (горани). К горани отнесены диалекты: аврамани, лури, баджалани, зазай⁴.

В одной из последних классификаций предлагается деление на группы: 1. Северный курманджи: баиазиди, хеккари, шамдинани, бохтани, бахдинани, западный диалект⁵; 2. Центральный курманджи: мукри, сорани, ардалани, сулеймани, гармиани; 3. Южный курманджи: лури (=файли), бахтиари, мамасани, тухгалу, келхори, лаки; 4. Горани: собственно горани, аврамани, баджалани, зазай⁶.

Из изложенного следует, что основные различия предлагаемых курдскими учеными классификаций сводятся к тому, что в одних горани и заза выделены в самостоятельные диалекты, противостоящие как северным, так и южным диалектам, в других—отнесены к южно-курдским диалектам, состав которых полностью не определен.

Мы не находим единой точки зрения на диалектную отнесенность горани и заза и в работах западно-европейских ученых, некоторые из которых вовсе исключают эти диалекты из числа курдских. В отечественной науке, которой принадлежит приоритет в изучении курдского языка, горани и заза рассматриваются как разновидности курдского, о чем свидетельствует излагаемая ниже история вопроса.

Первые сведения о грамматике горани были опубликованы в 1881 г. английским ученым Ч. Рёе в его описаниях трех горанских рукописей, хранящихся в Британском музее⁷. Составленный им краткий грамматический очерк дает некоторое представление о названном диалекте, хотя отдельные языковые характеристики и заключение (горани толкуется как разновидность персидского) свидетельствуют о недостаточной осведомленности автора в области курдской диалектологии.

В 1887 г. известным русским иранистом В. А. Жуковским в статье «Секта «Людей истины»—Аһл-и-хакк—в Персии» впервые публикуется полевой материал о горанах и их языке. «Курды Гураны,—пишет он,—в высшей степени любопытны и интересны в двух отношениях: во-первых, потому что они имеют свой собственный диалект, рукописный материал которого хранится в Британском музее, и во-вторых потому, что они составляют главный контингент приверженцев секты, на которую я позволяю обратить внимание. Сами себя эти сектанты называют «людьми истины» аһл-и-хакк..., персы же шииты крестят их именем Аһл-и-лаһ-и, т. е. почитающих Али за божество, или Курд-баче, т. е. дети курдские, курдского происхождения, или наконец Хурус-куш, т. е. убивающие петухов». Что касается приведенного В. А. Жуковским текста религиозных стихов на горани, то, по признанию самого автора, «он не может служить образцом ни в лексическом, ни в грамматическом отношении»⁸.

В 1922 г. посмертно были изданы собранные В. А. Жуковским в 1883 г. материалы по горанскому диалекту деревни Талахадешк,

⁴ Muhemed Emin Hewramani. Zar-i ziman-i kurdi le terazû-y berawurda. Bexda, 1981.

⁵ Имеется в виду сирийский курманджи.

⁶ Fuad Heme Khorshid. The Kurdish Language. Baghdad, 1983.

⁷ Ch. Rieu. Catalogue of Persian manuscripts in the British Museum. Vol. II, L., 1881.

⁸ В. А. Жуковский. Секта «Людей истины»—Аһл-и-хакк—в Персии. СПб., 1887.

расположенной к северо-западу от г. Шираза и населенной наряду с мусульманами-шиитами приверженцами курдской секты ахл-и хакк, которой и была посвящена упомянутая выше статья автора⁹.

В 1904 г. выходит в свет значительный труд французского ориенталиста Ж. де Моргана¹⁰, содержащий грамматическое описание курдских диалектов «Персидского Курдистана»: мукри, гарруси, йазиди, сенан, керманшахи, аврамани, джафи, реджаби, сулеймани, лакн, ходжаванди¹¹. Помимо поддиалектной языковой характеристики работы содержит обширный лексический материал, отражающий основной словарный фонд курдского языка. Списки приводимых автором слов включают астрологические, метрологические термины, названия дней недели, месяцев, времен года, явлений природы, животных, птиц, растительного мира; слова, обозначающие части тела, болезни, предметы быта, атрибуты одежды, музыкальные предметы и т. д.—всего 40 списков. Особую ценность представляет составленная Ж. де Морганом диалектологическая карта, указывающая регионы распространения описанных им диалектов.

В 1921 г. публикуется совместный труд А. Кристенсена и М. Бенедиктсена, посвященный описанию локального варианта диалекта аврамани¹². Грамматический очерк, основную часть которого составляют неполные глатольные парадигмы, где в качестве исходных приводятся персидские инфинитивы, дают общее представление об описываемом диалекте¹³. Вызывает, однако, удивление то, с какой легкостью авторы книги утверждают о некурдской принадлежности аврамани. М. Бенедиксен по этому поводу пишет: «По мере того, как я знакомился с диалектом аврамани, я постепенно замечал его сходство—материальное, фонетическое и лексическое—с языком, на котором говорят на турецкой территории, главным образом в округе Дерсим, известным как [язык] заза. У меня создается впечатление,—пишет далее автор,—что аврамани и заза являются собой изолированные островки некогда единой группы иранских диалектов, имевших когда-то широкое распространение, а впоследствии разобщенных нашествием иноземцев, главным образом экспансией курдов» (?)¹⁴. А. Кристенсен, поддерживая эту гипотезу, начинает свое предисловие к рассматриваемой работе с того, что не соглашается с Ж. де Морганом в отнесении аврамани к курдским диалектам. «М. Бенедиксен,—пишет он,—весьма справедливо замечает, что аврамани имеет сходство с языком заза, на котором говорят очень далеко от Аврамана, в турецком районе Дерсим, и который П. Лерх и Юсти рассматривают в числе курдских. Однако ни аврамани, ни заза не принадлежат курдскому языку, а относятся к

⁹ В. А. Жуковский. Материалы для изучения персидских наречий, ч. 2. 11г., 1922.

¹⁰ J. Morgan. Dialectes kurdes, langues et dialectes du Nord de la Perse.—Etudes linguistiques de la mission scientifique en Perse, t. 5, P., 1904.

¹¹ Диалект ходжаванди, на котором, по замечанию автора, говорит переселенное в Мазандаран одно курдское племя, априори исключается им из числа описываемых диалектов.

¹² A. Christensen. Le dialecte d'Awromân et de Pawa. Textes recueillis par Age Meyer Benedictsen, revus et publiés avec des notes et une esquisse de grammaire. Kopenhagen, 1921.

¹³ По свидетельству самого М. Бенедиксена запись текстов (объемом в 18 с.) была осуществлена в пять недель. Записи делались под диктовку с одновременным переводом их на персидский язык. См. указ. соч., с. 3.

¹⁴ См. указ. соч., с. 5—6.

другой группе иранских диалектов»¹⁵. Как видим, кроме утверждения о сходстве заза и аврамани, кстати вполне справедливого, так как это диалекты одного языка, другой сколько-нибудь серьезной аргументации в пользу версии о некурдском происхождении этих диалектов, авторами не приводится.

Следует, однако, сказать, что идея отчуждения диалектов горани и заза впервые была высказана О. Манном, который еще в 1906 г. был склонен видеть в них «черты древнемидийского языка», а спустя три года горани и заза были определены им как «центральные диалекты»¹⁶. Собранные О. Манном материалы по указанным диалектам были, как известно, обработаны и изданы К. Хаданком позднее—в 1930—1932 гг. В работе, содержащей материал по горанским диалектам (кандулаи, гахваран, реджаби, саиди, зардаи), основное место отведено описанию диалекта кандулаи¹⁷. Работа по диалекту заза содержит описание локальных разновидностей этого диалекта¹⁸. Большую ценность в данной работе, как и в предыдущей, составляют тексты и глоссарий, позволяющие самому читателю судить о природе этих диалектов. В связи с этим следует заметить, что материалы О. Манна не дают никаких положительных оснований для исключения аврамани и заза из состава курдских диалектов.

Столь же малоубедительными представляются доводы, приводимые английским ученым Э. Соном для доказательства непринадлежности к курдскому диалекта горани. «Гуранский диалект,—замечает он,—называют курдским, но это не так. Курманджи имеет характерные для него грамматические формы, лексику, идиомы, не имеющие ничего общего с гурани. Последний, как свидетельствуют существующие в нем грамматические формы, является лишь вариантом персидского языка»¹⁹.

В последующие годы попытка доказательства непринадлежности горани и заза к курдскому была предпринята в работах английского ираниста Д. Маккензи, где указанные диалекты противопоставляются курдскому на основании всего лишь трех историко-фонетических признаков²⁰. Несостоятельность выдвинутых автором доводов (в обоснование своей точки зрения) была доказана в работах как зарубежных²¹, так и советских ученых²². Вместе с тем в ряде публикаций последних лет, в частности в статьях армянского автора Г. С. Асатряна, за основу классификации курдских диалектов принимается классификация Д.

¹⁵ См. указ. соч., с. 7—8.

¹⁶ V. Minorsky. The Guran.—BSOAS. Vol. XI. 1943—46, p. 38.

¹⁷ O. Mann—K. Hadank. Mundarten der Guran.—Kurdisch-Persische Forschungen. Abt. 3. Bd. 2, B., 1930.

¹⁸ O. Mann—K. Hadank. Mundarten der Zaza.—Kurdisch-Persische Forschungen. Abt. 3, Bd. 4. B., 1932.

¹⁹ E. Soane. A short anthology of guran poetry.—JRS. L., 1921.

²⁰ D. MacKenzie. The Origins of Kurdish.—TPhS. L., 1961; Д. Маккензи. Курманджи, курди и гурани.—Народы Азии и Африки. 1963, № 1.

²¹ T. Wahby. The Origins of the Kurds and their language.—Kurdistan. IX, X, 1964; см. также 4.

²² См. К. К. Курдоев. Грамматика курдского языка на материале диалектов курманджи и сорани, М., 1978; М. У. Хамоян. К истории изучения заза.—Вопросы фразеологии, стилистики и грамматического строя восточных языков. Самарканд, 1972; З. А. Юсупова. Сулейманийский диалект курдского языка. М., 1985; И. А. Смирнова, К. Р. Эйюби. К вопросу о диалектном составе курдского языка.—Лингвистические исследования 1986. М., 1986.

Маккензп²³, которая неправомерно признается «общепринятой в советской академической иранистике»²⁴. Приходится только удивляться тому, что автор даже не упоминает работы (за исключением упомянутой статьи М. У. Хамояна), в которых высказывается противоположная точка зрения. Между тем диалект заза, являющийся предметом изысканий Г. С. Асатрян, признавался курдским и такими известными учеными как Х. Абоян, А. Жабба, В. Штрекер, П. Лерх, Ф. Юсти, Ле Кок, Р. Леско, Ф. Мюллер, Дж. Бадрхан²⁵, К. Курдоев²⁶ и др., приводившими в обоснование этого серьезные аргументы, не говоря уж о самих носителях заза—Нури Дерсими, Камил Бадили, Малмисанидж²⁷ и др. Думаю, что нет надобности подробно останавливаться на голословных утверждениях автора о якобы дейламитском происхождении курдов-заза, как и на толковании им используемого в армянских источниках термина «zaza-k'rdg»—«курды-заза», в котором понятие этническое подменяется социальным²⁸. Здесь уместно привести слова В. Ф. Минорского о курдах-заза, на которого в своих суждениях часто ссылается автор. Так, в статье «Курды», затрагивая вопрос расселения курдов в пределах Турции, В. Ф. Минорский пишет: «Дерсимские курды говорят на наречии заза и исповедуют особую религию, в виду чего замечалась некоторая тенденция к выделению их из ряда остальных курдов. Лично я думаю, что это не совсем правильно, так как все они параллельно говорят и на общекурдском языке, по быту сливаются с курдами, а религия их—али-аллахийство, к которому принадлежат и другие племена». Характеризуя далее заза как чисто иранское наречие, имеющее сходство с горани, В. Ф. Минорский замечает, что «легенда о сходстве его с армянским языком не имеет никаких оснований»²⁹.

Что же касается основной—языковой части статьи Г. С. Асатрян, посвященной «армянским заимствованиям» в заза, при анализе кото-

²³ Г. С. Асатрян. О ранних арменизмах в курдском.—Историко-филологический журнал. 1986, № 2.

²⁴ См. И. М. Оранский. Введение в иранскую филологию. Изд. 2-е. М., 1988, где диалекты горани, аврамани и заза рассматриваются как курдские. См. также труды советских курдоведов.

²⁵ Дж. Бадрхан осуществил издание поэмы Мала Надира «Мавлуд» («Происхождение пророка») на диалекте заза района Сиверек. См. Meuluda nebi. Be kurdi ya dumli. Sam, 1933.

²⁶ В настоящее время готовится к изданию рукопись К. К. Курдоева «Исследования заза (курдская диалектология)», в которой автор ставит себе задачу последовательного синхронного сравнения заза и курманджи в отношении их фонетики, грамматики и лексики, что должно помочь определению генетического статуса заза.

²⁷ Малмисанидж является составителем заза-турецкого словаря. См. Malmisanij. Ferheng-e dimilki-itrki. Uppsala, 1987. Библиография к словарю содержит перечень существующих изданий на заза.

²⁸ См. Г. С. Асатрян. Язык заза и армянский.—Историко-филологический журнал. 1987, № 1. В связи с изложенным следует заметить, что наряду с названием «дымлы» в источниках засвидетельствованы также названия—думбули//дунбули//думбыли//дымыли, которые, по-видимому, следует рассматривать как фонетические варианты одного и того же слова.

²⁹ См. В. Ф. Минорский. Курды. Пр., 1915, с. 4–5. См. также Kurdislan Tarhinde. Dersim. par le Dr. Vet. M. Nuri Dersimi. Alep, 1952. А. Д. Папазян. Новые источники по истории курдского народа.—В кн.: Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. VII. Курдоведение. Ереван, 1975, с. 209–224.

рых, к сожалению, автором смешиваются синхронный и исторический подходы, то здесь привлекает внимание тот факт, что из 60 приведенных «заимствований» 26 слов бытуют и в курманджи.

Мы полагаем, что при определении диалектной принадлежности в новоиранский языковой период основными факторами следует считать: 1) синхронное состояние грамматического и лексико-семантического строя диалекта; 2) его место среди родственных диалектов, определяемое по основным фонетическим, морфологическим, синтаксическим и лексическим признакам, а также общие тенденции грамматического развития; 3) осознание носителями диалекта своей этнической принадлежности; 4) культурно-исторические связи носителей диалекта, включая выбор литературного языка. С учетом этих факторов горани и заза следует рассматривать как разновидности курдского языка.

В отечественном курдоведении, где курдские диалекты исследуются наиболее глубоко, утвердилась точка зрения, согласно которой курдский язык в современном его состоянии делится на две основные группы: *северную и южную*. Каждая из выделенных групп представлена диалектами разной степени социальной значимости, группирующимися вокруг двух литературных языков: курманджи и сулеймани.

Основными разновидностями северной группы диалектов являются, по нашему мнению, диалекты *курманджи и заза*, представленные разными локальными вариантами. В составе южной группы правомерно выделить три подгруппы: 1) сулеймани, сорани, мукри, условно обозначаемые в литературе термином «сорани»; 2) кермапшахи, гар-руси, сеннаи, коруни и др., известные как «юговостонокурдокие»; 3) горани, аврамани, кандулаи, баджалани, зангана, какаи, лаки, и др., объединяемые термином «горани». Данное деление основано на совокупности главных грамматических и лексических признаков, характеризующих каждую из выделенных групп.

Наиболее характерные черты, отличающие южнокурдские диалекты от северных, в области фонетики сводятся: в вокализме главным образом к специфическим дифтонгоидам *ia*, *ie*, *iu*, в консонантизме — отсутствию противопоставления по придыхательности-непридыхательности глухих смычных *p*, *t*, *k*, *ç*, противопоставлению твердого (веляризованного) *i* палатализованному *l*, замене губо-зубного *v* (при сохранности его в отдельных говорах) губо-губным *w*, заднеязычным вариантом *ñ*, среднеязычными (палатализованными) вариантами *k*, *g* перед гласными переднего ряда. Южные диалекты отличаются также употреблением на стыке гласных вставных *w*, *g*, *t*. В области грамматики южные диалекты в большей своей части ушли дальше в процессе редукции именной флексии, что привело, хотя и не во всех диалектах, к исчезновению родовой дифференциации, а также к ликвидации противопоставления прямого падежа косвенному и в связи с этим к переосмыслению склонения *ap* в качестве общего показателя множественного числа, вытесняемого новыми суффиксами множественного числа *eka* и *ape*. Наряду с суффиксом *ap* в южных диалектах, в отличие от северных, употребляется суффикс *gel/el* — с собирательным значением (ср. с междометием *gelî* в курманджи, выражающим обращение к группе лиц). В системе имени южные диалекты характеризуются широким употреблением постпозитивного определенного артикля *eke*, а также вариантами неопределенного артикля *ê*, *êk*, *êw*.

ewe, которым в северных диалектах соответствует артикль ек (в заза ек и ê), отсутствием неопределенного артикля множественного числа п (в заза еп), свойственного северным диалектам.

В системе глагола следует указать на а) синтетические формы пассива в южных диалектах, в отличие от аналитических форм в северных; б) субъектное спряжение переходно-прошедшего глагола в отличие от объектного в северных³⁰; в) употребление причастных форм на û/w, ig, которым в северных соответствуют причастия на î п ох/ох (в заза); г) употребление постверба ewe, которому в северных соответствует преверб ve; д) употребление модальных частиц е, те наряду с частицами de, di, общими с северными. Различия наблюдаются и в глагольной флексии, выражающей лицо, вид, наклонение.

Однако самым характерным для южных диалектов является развитая система личных энклитических местоимений, составляющих главную специфику этих диалектов. Личные энклитические местоимения входят в морфологическую структуру спряжения переходно-прошедших глаголов, образуют сложные предложные и предложно-последующие комплексы, в сочетании с возвратным местоимением образуют ряды возвратно-личных и возвратно-притяжательных местоимений, используются при построении различных синтаксических структур.

Энклитическое местоимение ê, входящее в состав сложных предлогов lê, rê, tê, в северных диалектах сохраняет местоименную, т. е. замещающую функцию, соотносясь с косвенным местоимением 3 л. ед. ч. В южных диалектах это местоимение обнаруживает тенденцию (в разных диалектах в разной степени) к потере замещающей функции и превращению в своеобразный грамматический формант с ориентирующей функцией, указывающей на то, что глагол ориентирован на косвенное дополнение, выраженное личным энклитическим местоимением или глагольным окончанием. Ср. le bîrîse 'спроси у него' и то же в сорани—lêu bîrîse, где косвенный объект выражен не энклитикой ê, а личным энклитическим местоимением î. Можно полагать, что процессу утраты энклитикой ê местоименной функции способствовало широкое употребление личных энклитических местоимений, одной из функций которых и является замещение существительного или местоимения, обозначающего косвенный объект. Следует также указать на сохранность в южных диалектах ряда указательных местоимений (часто с окказиональным употреблением), полностью утраченных в северных диалектах. К ним относятся местоимения ad(e), a, ape 'тот' (ср. с местоимением (yê)hapê 'вон тот'—в курманджи), êd, î, îne ey, ye 'этот'.

Характерную особенность предложно-последующей системы южных диалектов составляют предлоги çe, се, которым в северных диалектах соответствует предлог jî; пе, которому в северных диалектах соответствует суффиксированный предлог pîk (ср. с предлогом kîp в мукри); ew, которому в курманджи функционально и, можно полагать, генетически соответствует энклитический предлог -е, примыкающий к глаголам направленного действия и образующий конструкции с постпозитивным объектом направления: ср. kewt ew и kêt-e 'упал...'; çepê çepî, репе, wepe, сохранившиеся главным образом в горанских диалектах и характеризующиеся разной степенью активности; эти

³⁰ К. К. Курдо с в. Категория рода и объектная конструкция в заза.—Иранское языкознание. М. 1976, с. 104—117.

предлоги, по-видимому представляющие собой застывшие сочетания простых предлогов с указательным местоимением, имеют в своем составе вставной звук п, обнаруживаемый как нам представляется, в северных диалектах—в отрицательных формах связки—*pîpîm*, *pîpî*, *pîpe*, *pîpîp*.

Синтаксис южных диалектов обнаруживает ряд специфических черт, связанных с функционированием в этих диалектах личных энклитических местоимений, которым отводится главная роль в формировании предложения. Помимо активного употребления как заместителя имени энклитические местоимения используются при построении различных моделей посессивной конструкции как именных, так и глагольных, коррелирующих с косвенными конструкциями севернокурдских диалектов. Сочетаясь как с самостоятельными лексическими единицами, так и с предлогами, энклитические местоимения обеспечивают в предложении самые разнообразные синтаксические связи. Другую особенность синтаксиса южных диалектов составляет постпозитивное употребление ряда предлогов, отмеченное и в заа.

В иранистической литературе неоднократно указывалось на существующее сходство между южными диалектами курдского языка и «некурдского», по мнению отдельных авторов, горани, которое объяснялось влиянием последнего. Так, в обобщающем труде по иранской диалектологии—в предисловии к прагматическому описанию курдских диалектов гарруси, сеннаи, керманшахи, коруни и жалун-абдуи, первые четыре из которых названы юговостонокурдскими, а последний—северозападнокурдским, К. Барр пишет следующее: «Совпадение между юговостоно-курдскими и горанийскими диалектами распространяется впрочем на всю звуковую систему, которая в обеих диалектных группах почти идентична. Дальнейшее звуковое развитие в обеих группах имеет сходные тенденции. Многочисленные грамматические совпадения я неоднократно и внимательно показал в своих примечаниях к моему прагматическому изложению». И далее: «О тесных контактах между юго-восточными курдами и горанцами свидетельствуют также юговостоно-курдские заимствованные слова во всех горанских диалектах. Особо яркий случай представляет горанский диалект Талахадешка. Специфические юговостоно-курдские заимствования не ограничиваются в этом диалекте только именами, но охватывают все количество глагольных основ, местоимений, наречий»³¹. К сказанному добавим, что указанные диалектные группы имеют не только материальное, но и системное сходство, объединяющее их со всеми диалектами южнокурдского ареала.

Сходство «центрально-курдских» диалектов (в нашей классификации—подгруппа южнокурдских диалектов, включающая диалекты сулеймани, сорани, мукри) с горанийскими Д. Маккензи также пытается доказать влиянием последнего. В обоснование этого автор в упомянутой выше статье «Курманджи, курди и турани» выдвигает, помимо трех историко-фонетических признаков, ряд морфологических черт, которые, по его мнению, объединяя «центральные» диалекты и горани, в то же время отделяют их от севернокурдских диалектов. О неправомерности подобного объяснения нам доводилось уже писать³². Поэтому здесь мы ограничимся лишь изложением новых языковых фактов.

³¹ A. Christensen und K. Barr. Iranische Dialektaufzeichnungen aus dem Nachlass von F. C. Andreas. Berlin, 1939.

³² З. А. Юсупова. Суленманский диалект курдского языка. М., 1985, с. 10—14.

полученных в результате исследования грамматического строя письменных памятников на горани, подтверждающих сходство этого диалекта не только с южными, но и с северными диалектами курдского языка.

Горани, как известно, был официальным и литературным языком курдского княжества Ардалан—крупного культурно-политического центра Южного Курдистана, существовавшего с конца XII до 60-х гг. XIX в. На этом диалекте сохранилась разная по жанру литература, составляющая неотъемлемую часть духовного наследия курдского народа. Эта литература включает памятники лирической и эпической поэзии, религиозно-философские трактаты. В числе известных курдских поэтов, писавших на горани, специалисты обычно называют—Мала Парешана Курди (XIV в.), Бесарани (1641—1702), Ханай Кубади (1700—1759), Комаси (XVII в.), Саиди Аврами (1784—1848), Маулави (1806—1882), Вали Девана (XVIII—XIX вв.), Ранджури Джафани, Факе Кадири Хамаванди—XIX в.³³

Еще до недавнего времени о существовании литературы на горани было известно лишь по отдельным публикациям в курдских и западноевропейских периодических изданиях, а также по каталогам курдских рукописей, хранящихся в разных библиотеках мира³⁴. Большая заслуга в издании литературных памятников на горани принадлежит иракским ученым и прежде всего Мала Кариму Мударису, осуществившему первое научное издание Дивана Маулави, а также поэмы «Хусрав и Ширин» Ханай Кубади (1975 г.) и Дивана Факе Кадири Хамаванди (1980 г.). Первые издания религиозных сочинений на горани принадлежат известному иранисту М. Мокри, издавшему также и текст фольклорной версии поэмы «Бижан и Маниджа»³⁵. Особую ценность в трудах М. Мокри помимо текста письменных памятников, составляет их грамматическая характеристика и глоссарий.

Перечисленные выше издания, безусловно, не исчерпывающие всего литературного наследия на горани, создают прочную базу для лингвистических исследований, данные которых необходимы как для уточнения места горани среди курдских диалектов, так и для выявления его взаимосвязей с южными диалектами, с одной стороны, и с северными, с другой.

Горанские диалекты, в особенности это относится к аврамани, отражающие, судя по всему, старые пласты языка, сохраняют ряд грамматических и лексических единиц, которые и составляют характерные черты данной группы диалектов. Ранее опубликованные материалы, а также данные наших исследований литературного горани, подтверждают отмеченный в грамматической литературе факт материальной и системной близости горанских диалектов с другими южно-курдскими диалектами. Вместе с тем материал позволяет выделить некоторые морфологические и фонетические особенности, отличающие горани от южнокурдских диалектов, но в то же время сближающие их с северными диалектами курдского языка. В фонетике они сво-

³³ Подробно об этом см. Аппар Кадир Мухаммад. Лирика курдского поэта XIX века Маулави (на диалекте горани). Канд. дис. Л., 1986.

³⁴ М. Б. Руденко. Описание курдских рукописей ленинградских собраний. М., 1961. Fuad Kamal. Kurdische Handschriften. Wiesbaden, 1970.

³⁵ М. Mokri. Cinquante-deux versets de Cheikh Amir en dialecte gürāni (Ahl-e Naqq), J.A. P., 1956, p. 391—422; Bižan-u Vanija. Version populaire du Sud du Kurdistan par Mohammad Mokri., P., 1966.

дятся к замене одних звуков другими, что можно проследить в следующих словах:

- гор. о—южк. uê: toklî—tuêkîj, kor—kuêr; ср. крм. kor;
 гор. û—южк. uê: hûn/xûn—xuên; ср. крм. xûn;
 гор. е—южк. a: herd—hard; ср. крм. hêrî;
 гор. a/e—южк. e: xaw/xew—xew, ward/werd—xuard; ср. крм. xew, xar xuar;
 гор. a—южк. ê: hawsa—hawsê, mizgani—mizgêni, ср. крм. mizgîni;
 гор. е—южк. ê: çest—çêst, ast/haşt—hêst; ср. крм. hîşt;
 гор. e/i—южк. i: berd—bird, merd mird—mîrd; ср. крм. bir, mîr;
 гор. o/u—южк. e: horgirt/hurgirt—heîgirt; ср. крм. hîlgirt;
 гор. î—южк. u: şî/çi—çû, bi—bû; ср. крм. çû, bû;
 гор. w—южк. m: zîwan—zîman; ср. крм. zîman;
 гор. m/w—южк. w/m: çem/çaw—çaw, dam—daw, dîm—dîw, dem—dem; ср. крм. ç'ev ç'av, dev;
 гор. w—южк. b: wa—ba, wîr—bîr, war—bar; ср. крм. ha, bîr, bar;
 гор. w—южк. x: wîst—xîst, weş—xoş; ср. крм. xîst, xweş/xaş;
 гор. ç/ş—южк. ç: şî/çi—çû, крм. çû; ср., однако, частицу -îç с -îş в южк. и ji в крм.
 гор. ç—южк. j: sereçêre—serewjêr; ср. крм. serevjêr;
 гор. h/x—южк. x: hûn/xûn—xuên; ср. крм. xûn;
 гор. h—южк. k: her—ker; ср. крм. k'er;
 гор. h—южк. s: ahîn—asîn, ahînger—asînger; ср. крм. asîn/hesîn;
 гор. s—южк. ş: asaw/asîaw—aşaw; ср. крм. aş;
 гор. s—южк. t: sır—tîr, sêr—têr; ср. крм. tîr, t'êr;
 гор. t/o—южк. t: post/pos—post/pêst; kos—kost; cese—ceste; zîmîstan/zîmîsan; rasî—rastî; ср. крм. p'ost, rast, zîvîstan;
 гор. î/w—южк. w: keft/kewt—kewt, sêf—sêw; ср. крм. k'et, sêv;
 гор. f—южк. p: çife—çîpe;
 гор. r—южк. î: horgirt—heîgirt; ср. крм. hîlgirt

В системе имени эти отличия состоят: а) в использовании параллельных форм неопределенного артикля êw/êwe наряду с формой ê, свойственной и южнокурдским; б) в факультативном употреблении показателя определенности -e, при имени, детерминированном указательным местоимением, при обязательном его употреблении в других южных диалектах; в) в крайне редком употреблении качественной определительной конструкции (с изафетом e), широко распространенной в южных диалектах, а в северных диалектах имеющей иное формальное выражение.

Система местоимений горани отличается: а) наличием ряда указательных местоимений, полностью утраченных в одних южных диалектах, но сохранившихся в других. Так, из засвидетельствованных в памятниках местоимений a(ne), ad, ed, îne, î, ey, ye три последних

имеются и в юговостонокурдских диалектах; б) иными формами энклитических местоимений 3 л. ед. и мн. ч. (i) *ş, şap*, которым в других южных диалектах соответствуют формы *î/y* и *uap*; в) формами возвратно-личных местоимений: *wêtm, wêî, wêş, wêmap, wêtap, wêşap* с соответствующими формами *xot, xot, xoû, xotap, xotap, xoûap* в других южных диалектах ср. с. возвратным местоимением *xê/xê/xê* (в северных диалектах); г) окказиональным употреблением местоименной энклитики *ê* (в составе сложных предлогов *lê, pê, tê, cê*) в собственном местоименном значении, что функционально сближает это местоимение с аналогичным местоимением в севернокурдских диалектах, тогда как в других южных диалектах энклитика *ê* выступает в качестве ориентирующего форманта, не соотносящегося более с конкретным именем. См. также с. 10.

Состав предлогов горани отличается: а) предлогами: *çene/çenî, repê, repê, reu, ne, se, çe*, отсутствующими как в других южных диалектах, так и в северных; исключение составляет орудийный предлог *reu*, используемый в курманджи, но с другим значением—«вслед», «за». б) активным использованием предлога *ew*, которому в юговостоно-курдских соответствует предлог *e*, а в «соранских» и северных диалектах энклитический предлог *-e*, в) отсутствием предлогов *de, le geî*, характерных для «соранских» диалектов.

Глагол в горани характеризуется следующими особенностями: а) использованием нескольких типов личных показателей, дифференцирующихся в зависимости от времени, наклонения и форм связки, и лишь частично совпадающих с соответствующими показателями в других южных диалектах; б) использованием в формах настоящего-будущего времени модальной частицы *te/pî*, которой в южных диалектах соответствуют частицы *e* и *de*; в) отсутствием отрицательной частицы *pa*, применяемой в других южных диалектах, как и в северных, в формах настоящего-будущего времени; вместо указанной частицы в горани употребляются частицы *ne, pi*, используемые как в южных, так и в северных диалектах; г) образованием сослагательного II посредством суффикса *a*, свойственного северным диалектам, которому в южных диалектах соответствует суффикс *aye*; д) отсутствием характерного для «соранских» диалектов пассива на *g*, которому в горани, как и в юговостоно-курдских диалектах соответствует пассив на *us*, в *заза* на *u* (ср. с классом непереходных глаголов на *ua* в северных диалектах и на *a*—в «соранских»); е) словообразовательными приставками *hog/hug* (ср. в сорани *hel*, в курманджи *hil*); *ber* (в сорани и курманджи *der*); *ege* (ср. сорани *ga/go*, в курманджи *ga*, в *заза* *go*); *ewe/we* (ср. сорани суффикс *ewe*, курманджи—приставка *ve*) и, наконец, *epe*, используемой главным образом в аврамани.

Характерную особенность синтаксиса горани составляет сосуществование в нем «посессивной» и «пассивно-объектной» или «объектной» конструкций с переходно-прошедшим глаголом, что находит отражение в способах выражения субъекта действия—местоименной энклитикой или глагольным окончанием. Важно при этом отметить, что «посессивная» конструкция получила развитие в южных диалектах, а «пассивно-объектная»—во всех северных диалектах.

Надо сказать, что в языке памятников на горани можно наблюдать и другие, характерные для северных диалектов, грамматические процессы—процесс редукции и отмирания именной флексии, тенденция к утрате категории рода, выражаемой формами косвенного падежа

и изафетными формами, к нарушению «пассивно-объектной» конструкции, что, в свою очередь, ведет к грамматикализации в южных диалектах личных энклитических местоимений и превращению их в личные глагольные показатели. О развитии тех или иных тенденций в грамматике горани свидетельствует свойственная языку памятников широкая вариативность как в фонетике, так и в морфологии и в синтаксисе.

Не вызывает сомнений и большее сходство лексики горани с лексикой южнокурдских диалектов, составляющей часть общекурдского словарного фонда. Вместе с тем в горанских диалектах обнаруживаются слова не характерные для других южных диалектов: *gliko* 'могила', *pêwar* 'земля', *esir esirî* 'слеза', (ср. *hêstîr* в крм.), *sêweng* 'темный', 'черный', *rewêl* 'группа', 'стая' (ср. *rew* в сор.), *pose* 'так', 'таким образом' (ср. *wusa* в крм.), *ladê* 'немного', 'недолго', *pêî* 'область шеи и плеч', *bûî* 'пепел', 'зола'; *xawêr* 'сонный', *erageî* 'бродяга', *sîwa* 'кроме' и др. При почти полном совпадении глагольной лексики, последняя отличается вместе с тем фонетическими вариантами основ: ср. *kerd* 'делать'—южк. *kird*, *wîst* 'класть'—южк. *xîst*, *lalya* 'просить'—южк. *lala* и т. д.

Следует отметить, что диалект аврамани в большей мере, нежели другие разновидности горани, сохраняет грамматические черты, сближающие его с северными диалектами курдского языка и в первую очередь—с диалектом заза. Так, например, в аврамани, как и в северных диалектах, наличествует категория рода, проявляющаяся в формах коопенного падежа имени и в изафетных формах. С другой стороны, в аврамани, как и в заза, категория рода может быть выражена и в личных глагольных формах, что не имеет места в курманджи. Однако нами обнаружены редкие случаи отражения категории рода в глагольных окончаниях и для курманджи, ср. *weyla mîgê* и *weyla mîgî* 'умереть бы тебе', где в первом случае показатель *ê* является формой женского рода, а во втором—показатель *î*—формой мужского рода. Далее в аврамани, аналогично северным диалектам с помощью изафетных форм различаются два типа изафетных конструкций—качественная и притяжательная, причем, если в аврамани, сорани и заза это различие проводится регулярно, то в курманджи оно имеет место в определенном грамматическом контексте (ср. *xûşka mîl* 'моя сестра' и *xûşka mîlpe bîçûk* 'моя младшая сестра', *bîrê mîl* 'мой брат' и *bîrê mîlî bîçûk* 'мой младший брат').

Сходство аврамани с северными диалектами, естественно, не исчерпывается указанными выше грамматическими признаками, присущими, хотя и в разной степени, и другим курдским диалектам (в мукри, например, формы косвенного падежа лишь частично противопоставляются по роду, в кандула, как и в карманшахи, используется одна форма косвенного падежа—безотносительно к роду, в сулеймани падеж имеет реликтовый характер). Близость этих диалектов проявляется и в фонемном составе, и в основной части лексики, а также в ряде грамматических форм, охватывающих как систему имени, так и глагола.

Юговосточнокурдские диалекты с фонетико-грамматическими характеристиками, включающими большое количество исключений из закономерностей, тесно переплетающихся и постепенно переходящих из одной формы в другую, труднее поддаются классификации. Однако даже общее знакомство с имеющимися по этим диалектам материа-

лами позволяет определить некоторые грамматические признаки, на основании которых юговостонокурдские диалекты могут быть выделены в одну из самостоятельных подгрупп южных диалектов курдского языка. Это следующие признаки: а) отсутствие в отличие от соранских диалектов пассива на г, которому соответствует пассив на уа, общий с горанским; б) употребление причастной формы на *ig*, отмеченной и в говорах сулеймани (ср. с причастиями на *o/ox* в заза и именами деятеля на *ok/ox* в курманджи)³⁶; в) использование личных местоимений презенса 1 и 2 л. мн. ч. *îme, îwe* (ср. сорани *eme, êwe*); д) употребление предлогов: *ega* (ср. с аналогичной глагольной приставкой в аврамани) и *e* (ср. с энклитическим предлогом *e* в сорани, а также с предлогом *ew* в горани); е) употребление указательных местоимений *i, eu, ue*, не используемых в сорани, но имеющихся в горани; ж) употребление формы косвенного падежа *î* (ср. с *î, e*—в сорани и мукри).

Вместе с тем, как свидетельствует фактический материал, юговостонокурдские диалекты по ряду морфологических и фонетических признаков смыкаются с соранскими диалектами, с которыми их, в отличие от горани, объединяет: полное сходство личных энклитических местоимений (горани, как указывалось выше, отличается формами 3 л. ед. и мн. ч.); использование модальных префиксов *de, e* в отличие от префикса *te* в горани; употребление указательного местоимения *em*, не характерного для горани; использование глагола *hatin* 'приходить' (ср. с глаголом *atau*—в горани), *çûp* 'уходить' (ср. с *çî/şî* в горани); сохранность огубленного *x^w* в глаголе *x^wastîn* 'хотеть' (ср. *wastey* в горани) и др. См. также с. 14—15.

Результаты проведенного выше анализа взаимосвязей между основными диалектами курдского языка (с учетом новых материалов на горани, заза и юговостонокурдских диалектов) позволяют говорить о правомерности:

1) деления курдского языка на современном этапе на две крупные диалектные группы—северную и южную, характеризующиеся наиболее существенными различительными признаками;

2) выделения в составе северной группы двух основных подгрупп: курманджи и заза; последний, обнаруживая определенное сходство с аврамани, которое может быть объяснено общей для этих диалектов языковой основой, в то же время по основным различительным признакам—отсутствию энклитических местоимений, наличию «пассивно-объектной» конструкции с переходно-прошедшими глаголами, противопоставлению по придыхательности-непридыхательности глухих смычных—примыкает к северным диалектам;

3) выделения в составе южных диалектов трех подгрупп—«сорани», «горани» и «юговостонокурдские» или «керманшахи».

И в заключение отметим, что выявленные поддиалектно различительные признаки, характеризующие ту или иную диалектную группу, обнаруживают при их сопоставлении коррелятивные связи, имеющие характер регулярных соответствий, которые, как нам представляется, и образуют одну из основ единства курдского языка.

³⁶ Данный суффикс отмечен в грамматике Дж. Бадрхана и Р. Леско Bedir Khan Djeladet et Lesco Roger. *Grammaire kurde (Dialecte kurmandji)*, P., 1970, p. 291.